

В.В. Каверина

УСТРАНЕНИЕ ОМОФОНИИ В ИСТОРИИ  
РУССКОГО ПИСЬМА

Как известно, одной из причин вариативности написаний в русской письменности на протяжении многих веков было употребление омофоничных, или дублетных, букв, таких, как з – ѕ, и – ї, о – Ѡ – ѡ, ѡѣ – ѣ – ѥ, ф – ѱ, и некоторых других [Зализняк, 1999: 572]. Действительно, русское письмо донационального периода «отнюдь не всегда стремилось к однозначному соотносению графем и фонем» начиная с момента создания Константином-Кириллом азбуки, которую вряд ли можно считать «результатом безупречного фонологического анализа» [Живов, 2006: 56].

Употребление омофоничных букв в книжном письме подчинялось определенным закономерностям, описанным в целом ряде фундаментальных исследований [Гальченко, 2001; Живов, 2006; Зализняк, 1999; Осипов, 1979б; Успенский, 2002]. Правила дифференциации букв-дублетов разрабатывались и закреплялись сначала в образцовых текстах, а затем в грамматических сочинениях, регламентировавших книжное письмо, тогда как письмо некнижное характеризовалось беспорядочным употреблением ограниченного круга самых распространенных омофонов. Однако трудно не согласиться с тем, что «некнижным письмом могли пользоваться и те, кто владел письмом книжным» [Живов, 2006: 57–58]. Таким образом, в отношении употребления букв-дублетов нельзя провести четкую границу между двумя системами письма, что наиболее ярко проявилось в памятниках деловой письменности, составивших основной материал нашего анализа, к которому также привлечены и тексты церковного характера, что объясняется как недостаточностью материалов светского содержания, так и спецификой отношений церковнославянского языка и деловой письменности в древнейший период.

Данное положение требует некоторого комментария.

Начало русского письма принято связывать с «перенесением на русскую почву» старославянского, или церковнославянского, языка, «южнославянского в своей основе» [Успенский, 1994: 3]. Вопрос о роли принятия христианства в распространении письменной культуры на Руси решается неоднозначно разными исследователями. Однако бесспорно, что «в функции литературного языка в XI–XVII вв. выступал церковнославянский язык восточнославянской

редакции», который носителями древнерусского языка «осознавался как кодифицированная разновидность родного языка» [Ремнёва, 2003: 17]. При этом, по мнению некоторых исследователей, «рядом с обрусевшим церковнославянским языком в русских сочинениях домонгольской эпохи мы находим чистый русский язык... в деловой письменности – в документах юридического и иного характера, в официальной переписке князей, в законодательных памятниках» [Соболевский, 1980: 38].

Отношение церковнославянского языка и деловой письменности в древнейший период нередко определяется как ситуация диглоссии, в которой осуществляется противопоставление «книжного – некнижного», «сакрального – мирского», «культурного – бытового» [Успенский, 1994: 15]. Отмечается, что «церковнославянский язык был с самого начала исключен из области законодательства и судопроизводства» [Успенский, 1994: 14], даже делается вывод о «сосуществовании двух различных письменных языков – церковнославянского литературного и русского административного» [Unbeqaun, 1969: 314] в исследуемый период. Таким образом, «в теории диглоссии противопоставление книжного – некнижного, литературного и нелитературного рассматривается и противопоставляется как нормативное и отклонение от нормы», и «в рамках некнижного и ненормативного оказывается, таким образом, деловая письменность» [Ремнёва, 1995: 23]. По мнению М.Л. Ремнёвой, «с этим трудно согласиться, поскольку... язык деловой письменности нормирован, только это иная норма, не норма литературного языка, а норма языка деловой письменности, ориентированная... на нормы живой восточнославянской речи», причем, в отличие от живой речи, «язык деловой письменности... имеет свои традиции, закреплённые формулы, пользуется рядом черт книжного языка» [Ремнёва, 1995: 23–24].

Не вызывает сомнения тот факт, что для обучения грамоте в Древней Руси использовались «богослужбные церковнославянские книги» [Успенский, 1994: 13], что «именно так, в процессе усвоения и переписки старославянских текстов, возникла и древняя русская письменность» [Винокур, 1959: 26]. Поэтому «когда русские стали не только переписывать, но и писать собственные сочинения, то они старались писать их тем же языком, к которому привыкли в книгах» [Ушаков, 1917: 55], при этом «книжные навыки, усвоенные при... обучении, могли автоматически отражаться на письме» [Успенский, 1994: 41]. Это привело к тому, что нормы правописания памятников деловой письменности в древнейший период «по сути дела не отличались» от норм памятников традиционного содержания [Князевская, 1964: 66]. Говоря о взаимосвязи процессов

формирования норм церковно-книжной и деловой письменности на начальном этапе развития русского языка, Ф.П. Филин в качестве одного из аргументов приводит тот факт, «что диалектизмы в деловой письменности и в фонетике и грамматике проявляются не больше, чем в языке заимствованной богослужебной литературы, а иногда даже в меньшей степени» [Филин, 1981: 251]. Например, правописание Мстиславовой грамоты Н.Н. Дурново определяет как «выдержанное церковнославянское» [Дурново, 1969: 97]. Констатируя отсутствие «связи со старославянской традицией» языка Русской Правды, Г.О. Винокур тем не менее отмечает их «тождество письма и орфографии» [Винокур, 1959: 47].

Таким образом, деловая письменность, имея основой живой разговорный язык Древней Руси, использовала церковнославянскую орфографическую традицию. В то же время нормы церковнославянского языка, «отражая стремление... следовать авторитетным... нормам» славянских рукописей, «вместе с тем отражают и местные языковые черты, принадлежащие фонологическим (и грамматическим) системам, не совпадавшим с кирилло-мефодиевской» [Хабургаев, 1984: 10]. Причем это явление носит достаточно регулярный характер. Замечено, что «древнерусские писцы, переписывая текст с оригинала, совсем не стремились воспроизвести его буква в букву... писцы... по каким-то причинам одни особенности письма оригиналов неизменно сохраняли, другие регулярно заменяли иными написаниями» [Князевская, 1964: 63]. По наблюдениям Н.Н. Дурново, переписчики в большей степени руководствовались «усвоенной ими традиционной орфографией», чем «написаниями своих непосредственных оригиналов» [Дурново, 1924: 73]. Однако нельзя полностью игнорировать влияние графики и орфографии протографов на те или иные написания. В.М. Живов пишет: «На счет оригинала могут быть отнесены лишь такие особенности рукописи, которые идут вразрез с действующими нормами литературного языка, не могут быть объяснены как отражение произношения (книжного или разговорного) или индивидуальная норма писца и в то же время находят себе аналог в рукописной традиции другого региона» [Живов, 1987: 56]. Интересно, что, по мнению Б.А. Успенского, «примеры русского влияния на церковнославянский язык, закрепляющегося в книжной норме, мы находим прежде всего в области фонетики и орфографии» [Успенский, 2002: 82]. Таким образом, «взаимодействие русского и церковнославянского языков было естественным и никогда не прекращалось с киевских времен, и его можно проследить во многих жанрах русской письменности, включая и язык русского права» [Ремнёва, 1995: 39].

Для установления норм правописания в ранний период истории языка с целью анализа орфографии русской деловой письменности

мы все же привлекаем данные памятников церковного содержания, тем более что большинство исследователей считают эти нормы «в известной степени общеупотребительными» [Князевская, 1964: 66]. Факты сознательного нормирования в древнерусских текстах отмечаются В.М. Марковым: «При исследовании источников XI в. приходится постоянно встречаться с каким-то осмыслением принятых написаний, оформление которых нередко расходится с фонетикой слова» [Марков, 1964: 62]. Об этом пишет и О.А. Князевская: «Видимо, древнерусские писцы обладали определенными нормами письма, вследствие чего сознательно сохранялись одни написания оригиналов и вводились другие, новые» [Князевская, 1964: 64]. Б.А. Успенский также обращает внимание на последовательность замены определенных южнославянских написаний на русские и констатирует, что «так в процессе адаптации церковнославянского языка на русской почве образуется специальная норма русского церковнославянского языка» [Успенский, 1994: 33]. Однако говоря о норме древнего русского письма, исследователи отмечают ее принципиальную вариативность. «Кроме иных принципов орфографии и пунктуации, – пишет Б.И. Осипов, – древнее и средневековое русское письмо отличалось от современного и другим подходом к норме: старинная норма строится по схеме “нельзя – можно”, а не “нельзя – нужно”, как норма гражданского письма» [Осипов, 1979а: 37].

Основным материалом исследования нормы среднерусского периода являются тексты деловой письменности – скорописные грамоты и другие деловые документы, «Домострой», рукописные газеты вести-куранты, печатное Соборное уложение 1649 г., в котором, по словам Л.П. Якубинского, была закреплена новая национальная орфография, сложившаяся на основе деловой письменности [Якубинский, 1986: 129], и некоторые другие памятники. В начале сложного и длительного пути формирования русского литературного языка закладывались основы нашей орфографии, которая создавалась в первую очередь в писцовой практике московских приказов – центральных правительственных учреждений Русского государства XVI–XVII вв. [Ремнёва, 2003: 273]. Пожалуй, самым большим и влиятельным в это время был Посольский приказ, не только осуществлявший деловую переписку с зарубежьем на русском и иностранных языках, но и «издававший» рукописные книги в довольно большом для того времени количестве. Здесь же собиралась информация о событиях за рубежом. Источниками такой информации служили переводы иностранных газет, отчеты русских послов, сведения от торговых и других прибывших из-за рубежа людей, а также от особых корреспондентов Посольского приказа из разных стран. Все подобные материалы и составляли рукописные

«вести», или «куранты», предвосхитившие появление в России печатных газет. Старейшие дошедшие до нас вести датируются 1600 г. [Тарабасова, 1986: 7–8]. Скорописные тексты вестей-курантов первой половины XVII в. опубликованы Институтом русского языка АН СССР (В-К I, В-К II, В-К III, В-К IV). Интерес исследователей к этим текстам обусловлен тем, что язык вестей-курантов является тем лингвистическим основанием, на котором впоследствии развивались научный и публицистический жанры литературного языка. В отличие от других категорий деловых памятников, таких, как грамотки (эпистолярная письменность) и актовая письменность, вести-куранты характеризуются определенной литературностью, как и другие образцы письменности хроникальной [Котков, 1980: 69]. Для историка орфографии вести-куранты представляют особую ценность, поскольку многие из них сохранились в виде черновых и беловых вариантов. Очевидно, что исправления, вносимые в деловые бумаги, были ориентированы на узуальную норму. Поэтому сравнение черновых и беловых вариантов позволяет выявить лингвистический материал, необходимый для изучения особенностей правописания в данную эпоху, тенденций развития правописных норм.

Существует мнение, что «до начала XVIII в. развитие русского письма происходило преимущественно стихийно, а с начала XVIII в. – в порядке государственных реформ» [Истрин, 1988: 160]. Первая из таких реформ – реформа азбуки, проведенная в начале века Петром I и явившаяся, по словам В.М. Живова, наиболее наглядным выражением «петровской языковой политики», которая в свою очередь имела целью противопоставление «нового и старого, европейского и традиционного, секулярного и клерикального». При этом «традиционный книжный язык оказывается атрибутом старой культуры, и на него распространяются все те негативные характеристики, которые приписывает старой культуре петровское просвещение. Новая культура должна была создать для себя новый язык, отличный от традиционного» [Живов, 1996: 72–73]. Реформа азбуки, формально выразившаяся в создании русского гражданского шрифта, на самом деле значила гораздо больше – «разделение алфавита на церковный и гражданский накладывало противопоставление светского и духовного на все печатные тексты... за оппозицией на графическом уровне должно было последовать противопоставление прочих языковых характеристик» [Живов, 1996: 72–73]. В результате происходит четкое размежевание церковной и гражданской (светской) письменности [Успенский, 1994: 115].

По свидетельствам историков языка, «первоосновой русского гражданского шрифта было главным образом московское граж-

данское письмо», т.е. скоропись [Шицгал, 1959: 39]. Однако «премущественность гражданского шрифта в отношении к скорописи» однозначно прослеживается лишь в области начертания букв, в области же орфографии нередко «соблюдаются нормы книжного письма» [Живов, 1996: 87]. Большую роль в сохранении этих норм играет активно развивающееся книгопечатание. По словам Г.О. Винокура, «печатный станок» нивелировал «пестроту» рукописной орфографии, и «в печатных книгах орфография оставалась *правильной*, этимологической, т.е. по-прежнему отвечала церковнославянской грамматической традиции» [Винокур, 1959: 115]. Впрочем, очевидно, что степень традиционности правописания зависела от характера печатного текста. В книгах светского содержания, число которых стремительно растет, отмечается сильное влияние более демократичной скорописной системы.

Наиболее близка к скорописному узусу орфография первого русского периодического издания – печатной газеты «Ведомости», предшественниками которой были скорописные вести-куранты. Материал для газеты поступал из Посольского приказа, где составлялись ранее «вестовые листы» [Черепанов, 1955: 19]. А.Ф. Бычков в предисловии к изданному в 1855 г. сборнику первых русских ведомостей подчеркивает, что «ведомости писаны довольно правильным языком, близким к разговорному того времени; но нередко погрешают против правописания, по-видимому, тогда не вполне установившегося» [Бычков, 1855: 19]. Учрежденные Петром I в 1702 г. «Ведомости» играли огромную роль не только в культурной жизни страны, но и в формировании норм нового русского литературного языка, в том числе и орфографии. Ведь это было единственное в то время периодическое печатное издание, каждый номер которого представлял собой оригинальный, не скопированный с древнего образца текст, язык которого отражал борьбу противоречивых факторов – народно-разговорной стихии, узуальной нормы деловой письменности и книжной орфографической традиции. Поэтому «Ведомости» и пришедшие им на смену «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости» являются наиболее живым, динамичным и информативным материалом, позволяющим проследить пути формирования современной правописной нормы русского языка. Орфография «Ведомостей» исследована в кандидатской диссертации В.П. Горлановой [Горланова, 1952, 1954], однако обширный материал работы не подвергнут детальному анализу и систематизации, теоретические выводы нередко представляются сомнительными. Поэтому, используя отдельные положения указанного труда, мы привлекаем и собственные наблюдения над орфографией петровских «Ведомостей», важной особенностью

которой является попеременная печать отдельных номеров то церковным, то гражданским шрифтом, введенным реформой графики 1708–1710 гг.

В течение XVIII в. наблюдается заметное оживление литературного процесса: появляется множество переводов и оригинальных литературных произведений, развивается книгопечатание, все более регулярный характер приобретают периодические издания, что способствует нормализации русского национального языка. Несмотря на то что грамматические сочинения начала века – переиздание «Грамматики» М. Смотрицкого, осуществленное Ф. Поликарповым в 1721 г., и «Грамматика словенская...» Ф. Максимова 1723 г. – описывают церковнославянскую грамматическую норму, в них уже отражаются изменения в орфографии, характерные для данного периода. Считаем возможным рассматривать грамматику 1721 г. как самостоятельную в отношении орфографии работу, поскольку, переиздавая сочинение Смотрицкого, Поликарпов оставил неизменным только грамматический материал, а графико-орфографический комментарий откорректировал в русле правописной нормы начала XVIII в. Важнейшей особенностью данного периода является деятельность по нормализации русского языка, особенно активно развертывающаяся с середины 30-х гг. XVIII в. По словам М.В. Панова, «с середины XVIII в. начинает создаваться теория русского правописания. С этого времени нормы орфографии не только стихийно складываются и затем закрепляются в грамматиках, но и сознательно создаются и перестраиваются. Начинаются теоретические поиски наиболее рациональных принципов правописания» [Панов, 1965: 15]. Заметными вехами в развитии русской грамматической мысли являются сочинения В.Е. Адодурова, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, Н.Г. Курганова. При этом намечаются две основные линии развития русского письма. В.Е. Адодуров и В.К. Тредиаковский стремятся противопоставить «русское и церковнославянское правописание подобно тому, как противопоставлены русская гражданская и церковная азбука»: церковная орфография «продолжает собственно орфографическую традицию, которая может достаточно сильно отклоняться от произносительной нормы, тогда как гражданская «ориентирована именно на фонетику» [Успенский, 1997: 605–606]. Более консервативными в определении основного принципа русской орфографии оказались М.В. Ломоносов и его последователи (А.А. Барсов, Н.Г. Курганов), которые отстаивали морфологическое письмо, сохраняющее, по словам М.В. Ломоносова, «следы произвождения слов» [Панов, 1965: 15].

В центре внимания первых нормализаторов русского языка находятся вопросы орфографии. Б.А. Успенский считает это естест-

венным, поскольку «орфография вообще играет доминирующую роль в самосознании литературного языка, с другой стороны, именно в графических различиях... с наибольшей наглядностью выражалось противопоставление русской и церковнославянской языковой стихии». Исследователь подчеркивает, что «если правописание церковнославянских текстов опиралось на собственно орфографическую традицию, то правописание русских (иначе говоря, гражданских) текстов в той или иной степени могло приближаться к транскрипции реального произношения» [Успенский, 1997: 601–602]. Активное участие в усовершенствовании русской графики и орфографии принимала учрежденная Петром I Академия наук, при которой в 1735 г. открылось Российское собрание, имевшее целью «радеть о возможном дополнении российского языка, о его чистоте, красоте и желаемом потом совершенстве» [Кедайтене, 1994: 165]. Именно эта организация довела до конца начатое Петром I, но проведенное недостаточно последовательно освобождение русского гражданского письма от большинства омофонов, сохранившихся, впрочем, в рукописных текстах до конца XVIII столетия.

Рассмотрим историю устранения дублетности в русском письме на примере наиболее употребительных омофонов *з – з, и – і, о – ѳ – ѡ* и *у – у – ѹ*.

**1. Дифференциация букв *з* и *з*.** Из дублетов *з – з* до второго южнославянского влияния в русских памятниках писалась только *з*, а буква *з* обозначала лишь число '6'. Попытка употреблять *з* в звуковом значении, делавшаяся под вторым южнославянским влиянием, привела к дублетности *з – з* [Осипов, 1979а: 16].

В скорописи, унаследовавшей орфографическую систему полуустава, букву *з* можно обнаружить в тех же позициях, что и *з* [Щепкин, 1967: 136]. Так, в почерках скорописного текста второй половины XVI в. И.С. Филиппова отмечает «процесс почти полного нивелирования букв *з* и *з* по употреблению, хотя графически они четко различаются» [Филиппова, 1974: 55]. Такая же ситуация сохраняется в деловой письменности XVII в., где одни писцы вообще не прибегают к букве *з*, другие пишут ее в разных положениях, а о предпочтительном употреблении *з* свидетельствуют лишь отдельные материалы, где «использование *з* связано с графическим выделением начала слова» [Тарабасова, 1982: 179, 182]. Данная буква употребляется также в составе предлогов.

Тексты вестей-курантов первой четверти XVII в. позволяют установить некоторые закономерности распределения дублетов *з* и *з* [Каверина, 2004: 11–16]. Так, префикс <за-> (позиция начала слова) чаще пишется через *з*: *за<sup>б</sup>л<sup>д</sup>яци*» (В-К I 23.103), *за<sup>д</sup>а<sup>т</sup>ков<sup>ь</sup>* (В-К I 31.155), *за<sup>ж</sup>гли*» (В-К II П8.87), однако к середине XVII в.

начинает преобладать написание *за-*: *завладѣть* (В-К III 52.172), *заморскихъ* (В-К IV 56.305), *захватило* (В-К IV 20.10). Об этом же свидетельствуют и результаты сравнения черновых и беловых текстов. Если в сборнике (В-К I) *sa-* переписано без изменения из черновика в беловик 20 раз: *savладе<sup>m</sup>* (П5.67) > *savладѣти* (30.7), *savладе<sup>m</sup>* (П5.64) > *sa<sup>l</sup>ладѣ<sup>m</sup>* (30.4), *sade<sup>o</sup>жали* (П3.36, 26.11), *saka<sup>o</sup>* (П2.61, 19.16), *sakлюче<sup>e</sup>* (П5.62, 30.2), *sapac<sup>o</sup>* (П5.88, 30.35), *saplati<sup>m</sup>* (П5.78) > *saplati<sup>m</sup>* (30.21), то в (В-К IV) таких пар черновых и беловых написаний не отмечено – все *sa-* черновика заменены в беловике на *за-*: *sade<sup>o</sup>жа<sup>e</sup>* (П4.387) > *заде<sup>o</sup>жанье* (59.404), *sade<sup>o</sup>жаные* (П4.389) > *заде<sup>o</sup>женные* (59.407), *sade<sup>o</sup>жаны* (П4.389) > *заде<sup>o</sup>жаны* (59.407), *sapa<sup>o</sup>лися* (П4.382) > *запа<sup>o</sup>лися* (59.397), *sapane<sup>o</sup>* (П2.484) > *заранье* (36.453), *saxva<sup>m</sup>* (П4.389) > *захватъ* (59.409). В прочих случаях *за-* черновика переписывается набело без изменений: *заня<sup>o</sup>ло* (П4.381) > *занесло* (59.395), *запасу* (П4.386) > *запас<sup>o</sup>* (59.403), *запасами* (П4.382) > *запасы* (59.397), *зача<sup>m</sup>* (П4.390, 59.408).

Употребление *s* в составе префикса <за>, по нашим наблюдениям, мотивировано не только позицией начала слова. Об этом свидетельствует орфография приставки <с>, где буква *s*, несмотря на позицию начала слова, употребляется значительно реже, чем *з*. Очевидно, написание *s* преобладает над *з* перед буквами гласных (например, в приставке <за>), но в данной позиции префикс <с> представлен написанием *с-*. Перед буквами звонких шумных согласных *б, г, д, ж, з* приставка <с> пишется через *з* в строке: *збежа-ли* (В-К I 28.51), *зговорамъ* (В-К II 63.453), *зда<sup>o</sup>* (В-К III 11.27) – или над строкой: *зѣдали* (В-К IV 4.198). Буква *s*, употребляющаяся только в строчном варианте, пишется в приставке <с> почти вдвое реже: *сбѣгли* (В-К I 22.22), *сгорѣло* (В-К II 95.47), *сдатца* (В-К III 17.223) [Каверина, 2004: 61].

Не в начале слова дублиеты *з – s* употребляются в составе префиксов на <з>, где более частотно написание *з* во всех позициях: буква *s*, применяемая только в строчном варианте, естественно, встречается реже, чем *з*, которая в строчном и выносном вариантах обнаруживает широкий диапазон использования. В текстах вестей-курантов приставки <из> и <роз> допускают написание *с s* перед гласными, а <воз> и <из> – перед буквами звонких согласных и сонорных, однако, и в этих позициях преобладает *з*. Дублет *s* встречается во всех приставках, однако с неодинаковой частотой. Так, в приставке <без> *s* почти не употребляется. В большинстве случаев пишется *з*: *бе<sup>o</sup>бо<sup>o</sup>жн<sup>o</sup>* (В-К I 44.5), *бе<sup>o</sup>прѣстани* (В-К I 31.4), *безѣбыто<sup>o</sup>* (В-К II 96.390). Интересно написание *бесѣспротивно* (В-К II П12.137), исправленное в беловике на *бе<sup>o</sup>спротивно*

(В-К II 42.262). Черновое *besona<sup>o</sup>* (В-К III П13.352) заменено на *безопасно* (В-К III 53.390). В составе префикса <воз> *s* встречается перед буквами гласных, сонорных и звонких согласных, хотя и там преобладает *з*: *во<sup>o</sup>дана* (В-К IV 3.208), *во<sup>o</sup>surать* (В-К IV 10.35), *во<sup>o</sup>мо<sup>o</sup>* (В-К II 13.113). Особо следует отметить, что в варианте данного префикса без гласной в середине буква *s* является едва ли не предпочтительной, особенно перед *в* корня: *всв<sup>o</sup>ичаю* (В-К IV 1.242), *всв<sup>o</sup>ича<sup>o</sup>* (В-К IV 1.238), *всволокли* (В-К IV 4.198), *всво<sup>o</sup>нова<sup>e</sup>* (В-К I 22.41), *всво<sup>o</sup>новали<sup>e</sup>* (В-К IV 28.63, В-К I 23.90, В-К III 38.552). Закономерность употребления *s* в приставке <из> аналогична правилу, установленному для <воз>, – во всех позициях заметно преобладает *з*: *избави* (В-К III 19.318), *и<sup>o</sup>готовити* (В-К II 32.286), *и<sup>o</sup>мала* (В-К III 49.266), *изыма<sup>o</sup>* (В-К II 8.101), *изо<sup>o</sup>брали* (В-К III 58.90). В написании *изсменою* (В-К I 31.9) в составе приставки употребляются оба дублета – *з* и *s*. В отличие от рассмотренных префиксов, в составе приставки <роз> буква *s* употребляется только перед гласными, за исключением одного словоупотребления – *расдрасни<sup>m</sup>* (В-К II 73.532). Однако и в позиции перед гласными преобладает *з*: *разореные* (В-К IV 59.398), *ра<sup>o</sup>мное* (В-К III 52.174). О предпочтительности такого написания свидетельствует, к примеру, замена *ро<sup>o</sup>совати* (В-К III П7.587) на *розо<sup>o</sup>вати* (В-К III 45.84), в результате которой из двух орфографических вариантов, совмещенных в черновике, писец беловика выбрал более употребительное написание *з*.

Таким образом, для буквы *s* можно выявить позиции, в которых она пишется относительно регулярно. Бесспорно, предпочтительной позицией для *s* в скорописи является позиция начала слова, где данная буква употребляется довольно широко наряду с вариантом *з*. Не в начале слова *s* чаще пишется перед буквами гласных. Указанные позиции также характерны для буквы *s* в печатном Уложении 1649 г., однако она здесь встречается очень редко, «нормальной буквой для обозначения звука [з] является з» [Черных, 1953: 165–166]. В некоторых печатных изданиях, например в Азбуке И. Федорова 1574 г., написание *s* не отмечено, пишется только *з*. Не сформулировано правило употребления букв *з – s* ни в грамматике Л. Зизания 1596 г., ни в грамматике М. Смотрицкого 1619 г., ни в ее московском переиздании 1648 г. И хотя в перечне согласных во всех сочинениях упомянуты оба варианта [Грамматика..., 2000: 34–36, 136–139; Грамматика славянская, 1648: 46], в тексте грамматик находим только *з*, за исключением единичных написаний с *s*, о которой сказано, что она является аналогом греческой буквы, означающей «шесть», а «славенскому языку излишнее» [Грамматика..., 2000: 143].

При создании «гражданицы» для обозначения [з] из дублетов *з* и *s* первоначально был выбран вариант *s*, сходный с латинской

буквой «s», несмотря на то что узус того времени диктовал иной выбор. Так, в текстах «Ведомостей», набранных церковным шрифтом, до реформы 1710 г. заметно преобладает вариант *з*, в том числе и в префиксах: *изряднѣ, забрать, возбраняетъ, збираютъ, разо-сладъ*, а *з* употребляется лишь в отдельных лексемах, например *зѣло*. О предпочтении начертания *з* свидетельствует тот факт, что с введением «гражданицы» в «Ведомостях» вопреки ожиданию число словоупотреблений с дублетом *з* не увеличивается (даже отмечается написание *зѣло*). Возможно, поэтому в окончательном варианте гражданской азбуки 1710 г. начертание *з* было восстановлено, однако *з* при этом не устранено. В рукописных памятниках XVIII в. вариант *з* встречается несколько чаще, чем в печатных, однако преобладающим он не становится, несмотря на усилия нормализаторов правописания В.Е. Адодурова, В.Н. Татищева и В.К. Тредиаковского, пытавшихся ввести данное написание взамен более распространенного *и* [Успенский, 1975: 86]. В московской деловой письменности XVIII в. употребление *з* беспорядочно, некоторые писцы вообще не пользуются данным начертанием. Пожалуй, чаще этот дублет пишется в начале слова перед гласными (как и в скорописи XVII в.), в том числе и в приставке <за->: *саниси, садания*, однако во всех позициях преобладает *и*: *записыва<sup>т</sup>ся, ра<sup>т</sup>судилъ, избавите* (ПМДП). Узус того времени, очевидно, лежит в основе рекомендации Ф. Поликарпова об устранении буквы «зело», которую он оценивает как «лишнюю» в переиздании грамматики М. Смотрицкого 1721 г. (заметим, что подобных комментариев у Смотрицкого в грамматиках 1619 и 1648 гг. нет). Наконец в 1735 г. буква *з* была исключена из алфавита реформой Академии наук [Истрин, 1988: 161].

**2. Дифференциация букв и и і.** Закономерности распределения вариантов *и* – *ї* в древнейший период таковы: при безусловном преобладании буквы *и* и дублет *ї* употребляется обычно после гласной, в том числе и в составе приставок [Гальченко, 1989: 44]: *и їзде, и їшьдѣ* [Козловский, 1895: 12]. Причем такое написание характерно для памятников как церковных, так и светских. А.А. Шахматов фиксирует его в ряде новгородских договорных грамот XIII–XIV вв. [Шахматов, 1895: 140]. В то же время М. Козловский, говоря о подобном употреблении буквы *ї* в старейшей из датированных церковнославянских рукописей – Остромировом Евангелии, отмечает преемственную связь данной закономерности с правилом, характеризующим орфографию древнейших славянских памятников – Саввиной книги и Зографского Евангелия [Козловский, 1895: 12–13]. Однако в большинстве старших древнерусских текстов употребление *ї* как «узкой» буквы в большинстве случаев обусловлено, очевидно, позицией конца строки [Гальченко, 1989: 44; Обнорский,

1912: 8–9; Осипов, 1979а: 16; Срезневский, 1867: 461]. В ранних новгородских берестяных грамотах буква *ї* пишется крайне редко, в основном в текстах церковного характера. Лишь с начала XIV в. *ї* начинает употребляться чаще, факультативно заменяя *и* в позиции после гласной и в начале слова, хотя и здесь предпочтительной остается написание *и* [Зализняк, 1995: 28]. Вспомним, что данная норма характерна и для пергаменных рукописей указанного периода.

Древнейшее употребление знаков *и* и *ї*, первый знак из которых основной и пишется во всяком положении, последний же есть лишь факультативное сокращение первого, «какое, однако, никогда не употребляется перед *и* (восьмеричным), а только после него: *иї*» [Щепкин, 1967: 136], перешло в скоропись. В отличие от скорописи, в полууставе с XV в. «десятеричное *ї* употребляется как в позднейшем русском правописании: перед всеми гласными, притом не факультативно, а обязательно» [Щепкин, 1967: 136–137]. В скорописи XVII в. *ї* встречается значительно реже, чем *и*, обычно в конце слова после гласных, часто в соответствии с «*и*» неслоговым и [j], а также в начале слов, в функции сочинительного союза или частицы [Тарабасова, 1982: 185; Беляев, 1911: 23], т.е. в позициях, не характерных для префиксов. Так, по нашим наблюдениям, в текстах вестей-курантов вариант *ї* употребляется лишь в одной из приставок – <из->, причем крайне редко: *ї'во<sup>т</sup>ны* (В-К III 19.335, П1.314), *ї'гоно<sup>т</sup>* (В-К III 17.234), *їзошла* (В-К I 43.15), *їсправитисѧ* (В-К II 77.600), *їстери* (В-К I 5.21), *їцеляе<sup>т</sup>* (В-К III 48.297) (всего 19 словоупотреблений из более 500 с данным префиксом). В отличие от современных им скорописных памятников, в Уложении 1649 г., как и в более ранней азбуке И. Федорова, *ї* последовательно употребляется в соответствии с правилом, установившимся с XV в. в полууставе, а именно перед гласными [Черных, 1953: 148]. Такое же употребление рекомендуется грамматиками Л. Зизания 1596 г. и М. Смотрицкого 1619 и 1648 гг. [Граматики..., 2000: 105, 141, Грамматика славянская, 1648: 51об]. Интересно, что подобную закономерность отмечают И.С. Филиппова и Е.Ф. Васеко в ряде московских грамот XVI в., писанных скорописью [Филиппова, 1982: 261; Васеко, 1973а: 39]. Вообще, в скорописных памятниках обнаруживается значительная неустойчивость в употреблении *ї*, даже в предпочтительных для нее позициях [Словягин, 1971: 52; Шовгенова, 1968: 94].

В первоначальной редакции «гражданицы» из алфавита была исключена буква *и*, но в окончательной редакции 1710 г. снова присутствовали оба варианта – *и* и *ї*. Узус того времени представлен в орфографии «Ведомостей», где до 1710 г. *ї* употребляется довольно последовательно перед гласной, а *и* – в остальных положениях: *прїемлютъ, прислалъ, изломанъ*. В 1710 г. буква *и* начинает вы-

тесняться начертанием *i*. По данным В.П. Горлановой, «в 1711 г. *и* почти не употребляется, далее употребление этих букв совершенно не упорядочено» [Горланова, 1952: 68]: *пріѣхали, привозѣ, беспристрастной, беспристрастными, присудилъ*. Однако, на наш взгляд, здесь можно установить некоторые закономерности: во-первых, *i* не пишется в начале слова (даже в 1711 г. в приставке <из-> находим только *и* – *изволѣть, извѣстія*); в остальных же позициях *i* заметно преобладает: *происходилъ, произошло, воспріиметь, неисполнение, прісланы*. Данная закономерность отличает «Ведомости» как от рекомендаций грамматики М. Смотрицкого, так и от современных им скорописных памятников, продолжающих традицию скорописи XVII в., где буква *i* встречается реже, чем *и*, и употребляется обычно в конце слова после гласных, а также в начале слов, в функции сочинительного союза или частицы.

После окончания издания «Ведомостей» ситуация меняется. В пришедших им на смену в 1728 г. «Санктпетербургских ведомостях», издаваемых Академией наук, уже в течение первого года происходит изменение соотношения *и* – *i* в сторону уменьшения частотности последнего написания; хотя сохраняется вариативность их употребления: *прісущствующимъ – присутствовали, прібыль – прибывшіе*. При этом можно отметить позиции, предпочтительные для каждого из вариантов: для *и* – начало слова (*извѣстія, изготовленные*), для *i* – перед гласными (*пріуготовленія, воспріималъ*). В 30-е гг. XVIII в. в печатных текстах на основе данной закономерности формируется устойчивая норма употребления буквы *i* перед гласными (в остальных случаях пишется *и*), кодифицированная в 1738 г. Академией наук. Тогда же было унифицировано написание «*i* десятиричного» (с одной точкой вместо двух точек) и установлено употребление этой буквы в слове *мір* в значении «вселенная» [Истрин, 1988: 161]. Данное правило, окончательно воспринятое рукописными памятниками лишь к концу XVIII в., остается неизменным и очень авторитетным вплоть до упразднения буквы *i* в 1917–1918 гг., несмотря на некоторые попытки его реформирования. Так, в 30–40-е гг. XVIII века В.Е. Адодуров, В.Н. Татищев и В.К. Тредиаковский предлагали вывести из употребления букву *и*, оставив только *i* [Успенский, 1975: 86]. Позднее, в конце XVIII в., об этом же писал А.А. Барсов, называя букву *и* «излишней» [Барсов, 1981: 48]. Напротив, М.В. Ломоносов, считая вариант *и* основным, в «Российской грамматике» 1755 г. формулирует для *i* правило по принципу графической диссимилиации: буква *i* употребляется, «чтобы частое стечение подобных букв неприятным видом взору не казалось противно и в чтении запинаться не принуждало. Например: *въ изысканіи истинны*». Кроме того, Ломоносов допускает употребление *i* в случаях, когда «подобие буквы

*и с н*» может привести «к погрешному чтению» – *Новъ* вместо *Иовъ* [Ломоносов, 1952: 422].

Наиболее полно правило употребления *i*, в соответствии с которым данная буква писалась вплоть до реформы 1917–1918 гг., впервые сформулировал Н.Г. Курганов в «Российской универсальной грамматике...» 1769 г. *i* не пишется в начале слов, кроме «иностранных» (в пример приведены имена собственные), употребляется перед гласными, за исключением приставки <при->, где в любом случае пишется *и* [Курганов, 1769: 98]. Последнюю закономерность отметил ранее Ф. Поликарпов в переиздании грамматики М. Смотрицкого 1721 г. Интересно, что в данном вопросе Поликарпов отошел от оригинала, где Смотрицкий рекомендует писать букву *i* перед гласными во всех без исключения позициях в слове [Мелетій Смотрицкий, 1619: 1.7; Грамматика славянская, 1648: 51об]. Подобно грамматике Курганова определяются позиции для *i* в различных грамматических сочинениях XIX в.: «Российской грамматике» Академии наук (1802), «Начальных правилах русской грамматики» Н.Ф. Кошанского (1807), «Новейших начертаниях правил российской грамматики» И. Орнатовского (1810), «Российском правописании...» М. Снегирева (1815), «Практической русской грамматике» Н.И. Греча (1834), «Российской грамматике» В.С. Княжева (1834), академической «Грамматике русского языка» И. Давыдова (1849), «Русской грамматике» А.Х. Востокова (1835) и, наконец, в самом авторитетном руководстве по орфографии конца XIX – начала XX вв. – «Русском правописании» Я.К. Грота (1885). Рекомендации грамматик различаются лишь степенью императивности правописания приставки <при->: некоторые сочинения лишь *допускают* употребление *и* в данном префиксе в любой позиции, в том числе и перед гласной, а другие *декларируют* такое написание как единственно возможное. Однако данное частное правило узусом не подтверждается. Так, в течение целого столетия после выхода грамматики Курганова, регламентирующей написание <при-> через *и* в любой позиции, в текстах «Санктпетербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» данная приставка последовательно пишется по общему правилу, т.е. с *i* перед гласными: *пріѣхалъ, пріуготовленія* (М. вед. 1756) – *пріѣзда, пріобрелъ* (М. вед. 1856).

3. Дифференциация букв *о*, *ѳ* и *ѡ*. Для древнейшего периода установлены некоторые позиции, в которых дублеты *ѡ* и *ѳ* встречаются более регулярно, хотя предпочтительным и здесь оказывается *о*. Буквы *ѡ* и *ѳ* пишутся в начале слова, реже после гласных, в том числе и в префиксах <о->, <от-> [Гальченко, 1989: 45–46; Козловский, 1895: 14–15; Шахматов, 1895: 140–141]. Особенно последовательно буква *ѡ* употребляется в составе сокращения *ѡ*. Так нередко пишется и приставка <от->, а в некоторых рукописях,

например в новгородских грамотах XIII–XIV вв., другой орфографии префикса <от-> вовсе не представлено, пишется только Ѡ [Шахматов, 1895: 140–141]. Однако такое написание стало преобладающим не сразу. По наблюдениям А.С. Львова, «в первичных переводах все греческие ω в заимствованных словах передавались через о» [Львов, 1978: 10]. При этом об употреблении буквы ω в славянских словах, очевидно, не могло быть и речи. Почти во всех старших памятниках старославянской письменности буква ω пишется исключительно при обозначении восклицательного междометия «О!» [Львов, 1978: 12]. В Остромировом Евангелии отмечается ω и в других позициях, однако даже в самой частотной из них – в предлоге-приставке <от-> заметно преобладает о [Козловский, 1895: 14–15]. Это позволяет А.С. Львову сделать вывод о том, что «в Остромировом Евангелии даже замена отъ на Ѡ находится в первоначальной стадии» [Львов, 1978: 10].

Написание Ѡ получило широкое распространение лишь в следующем веке и было связано с введением в календарные записи Евангелий сокращений, которые постепенно стали употребляться и в текстах. Так, характеризуя графику Новгородской минеи 1097 г., С.П. Обнорский пишет: «Написание Ѡ употребляется исключительно в значении префикса и, встречаясь на первых 50 листах минеи одинаково часто (31 раз) с написанием отъ, далее почти совершенно заменяет последнее начертание» [Обнорский, 1924: 172–173]. По данным Л.Н. Карягиной, еще более последовательно подобная замена проводится в Июльской служебной минее XI–XII вв. [Карягина, 1960: 35]. В Ефремовской кормчей XII в. Ѡ встречается почти столь же часто, что и отъ, однако замечено, что «эти оба начертания не чередуются смешанно друг с другом, а каждое преобладает в определенной части памятника» [Обнорский, 1912: 9–10]. С.П. Обнорский связывает это с принадлежностью данных частей разным писцам. В указанном памятнике зафиксировано также употребление ω (в том числе для обозначения префикса <о->), которое исследователь мотивирует в первую очередь «прихотью писца». Вместе с тем С.П. Обнорский определяет позиции для ω «либо в начале слов, либо в середине после гласных, короче... лишь в начале слога» [Обнорский, 1912: 9–10]. В орфографии одного из списков Студийского устава, относящегося к XII в., последовательно употребляется ω в предлоге и приставке <от-> [Осипов, 1979б: 174–175; Ищенко, 1968: 48]. Имеется лишь одно колебание в слове с затемненным морфемным составом: отъварѣтъ (но Ѡварѣти). Причем случаи чисто графической диссимиляции в данном памятнике единичны: наряду с двумя написаниями ω перед о встречаются многочисленные написания о рядом с о и оу. По мнению Б.А. Осипова, «во всем этом прослеживается тенденция к обобщению ω в

начале слов... но она еще не сложилась – действует правило, идущее от XI в., в названной позиции возможны ω и о, но после согласных букв – только о» [Осипов, 1979б: 175]. О.А. Князевская, анализируя употребление указанных букв в рукописи первой половины XIV в. отмечает, что «регулярность распределения букв ω, о и о... свидетельствует... об определенном явлении языка – различии открытого и закрытого [о]», однако при этом полагает, что «употребление букв ω и о в начале слова следует квалифицировать как чисто орфографический факт» [Князевская, 1996: 276–281]. Подтверждение данных фактов находим и в работах А.А. Зализняка [Зализняк, 1978а: 74–96; Зализняк, 1978б: 41–68]. О стабильном написании ω в начале слова, в том числе в префиксах <от-> (обычно в виде лигатуры Ѡ) и <о->, в древнерусских памятниках свидетельствует исследование Дина Ворта, основанное на обширном материале текстов XI–XIII вв. [Worth, 1996: 70–82]. В отличие от пергаменных рукописей, в ранних берестяных грамотах употребляется только о, «противопоставления о узкое – о широкое еще нет». Однако уже используется лигатура Ѡ для обозначения предлогов-приставок. В позднерусский период «в берестяные грамоты из книжной письменности проникает практика использования нескольких графем вместо прежнего единого о, а именно в позиции не после согласной, вместо о начинают употребляться другие графемы – ω или о» [Зализняк, 1995: 27].

Правило употребления ω преимущественно в начале слова, возникшее в русском уставе в середине XIV в., было заимствовано скорописью [Щепкин, 1967: 136]. Однако в деловых текстах XVII в., по свидетельству Н.И. Тарабасовой, «едва ли можно установить какие-либо последовательно соблюдаемые правила употребления этой буквы», и вообще «букву ω можно встретить далеко не на каждом листе скорописного текста», поскольку ею «пользовались некоторые писцы, по-видимому, те, которые испытывали особое влияние книжного письма»; употреблялась же эта буква «в середине и конце слов... а в начале слов, несмотря на отдельные замены главным образом в предлогах-приставках <от->, предпочитается о» [Тарабасова, 1982: 189–190]. В скорописных лечебниках второй половины XVII в. также отмечено непоследовательное употребление ω, которая чаще встречается в названиях глав и предлогах, но используется лишь некоторыми писцами [Словягин, 1971: 51]. «Спорадически» встречается буква ω и в московских скорописных грамотах XVI в. [Филиппова, 1982: 261]. По данным Е.Ф. Васеко, в подобных документах «букву ω писцы предпочитают писать в начале слова, особенно в случаях, если дальше идет буква т» [Васеко, 1973а: 38].

Указанное употребление характерно и для текстов вестей-курантов, где буква ω пишется обычно в составе лигатуры Ѡ, обоз-

начающей предлог или приставку <от-> и реже в начале приставки <об->. Закрепленность *ш* за абсолютным началом слова, вероятно, объясняется наибольшей частотностью ее написания в префиксах <о->, <от-> и <об-> по сравнению с <до->, <по->, <про-> и <под-> [Каверина, 2004: 16], хотя преобладающим во всех приставках является *о*: *о<sup>б</sup>ве<sup>л</sup>* (В-К I 22.23), *о<sup>б</sup>ле<sup>х</sup>че<sup>н</sup>е* (В-К I 39.118), *о<sup>б</sup>раду<sup>н</sup>* (В-К II 43.268), *о<sup>б</sup>осла<sup>н</sup>ца* (В-К III 11.23), *о<sup>б</sup>ыска<sup>н</sup>* (В-К III 59.32), *о<sup>т</sup>бивали* (В-К III 37.540), *о<sup>т</sup>вели* (В-К I 6.34), *о<sup>т</sup>дача* (В-К II 71.425), *отошел* (В-К II 76.592), *о<sup>т</sup>зде* (В-К III 20.262), *по<sup>д</sup>веде<sup>н</sup>* (В-К II 6.74), *по<sup>д</sup>данно* (В-К III 15.183), *подкоп<sup>ш</sup>м* (В-К II 12.143), *подня<sup>н</sup>ся* (В-К I 35.9), *подожда<sup>н</sup>* (В-К III 12.146), *по<sup>д</sup>зде* (В-К II 7.31).  
Случаи употребления *ш* в составе <до->, <про->, <по-> и <под-> единичны: *д<sup>ш</sup>бычу* (В-К II 6.64), *д<sup>ш</sup>то<sup>л</sup>* 'досталь' (В-К 16.24), *пр<sup>ш</sup>жити* (В-К II 30.211), *пр<sup>ш</sup>илые* (В-К I 4.5), *пр<sup>ш</sup>вели* (В-К I 6.9), *п<sup>ш</sup>биты* (В-К I 34.12), *п<sup>ш</sup>волили* (В-К I 30.37), *п<sup>ш</sup>да-ти* (В-К II 97.635), *п<sup>ш</sup>ме<sup>л</sup>и* (В-К I 31.17), *п<sup>ш</sup>мога<sup>н</sup>* (В-К I 22.8), *п<sup>ш</sup>хоче<sup>н</sup>* (В-К II 73.524), *п<sup>ш</sup>сылае<sup>н</sup>* (В-К I 1.47), *п<sup>ш</sup>дданные* (В-К I 23.63), *п<sup>ш</sup>данные* (В-К I 24.110, 22.60). Несколько более частотны написания *ш* в приставках <об-> и <от->. Причем предпочтительной для данного варианта является позиция перед выносными *б* и *т*: *ш<sup>б</sup>вине<sup>н</sup>ные* (В-К III 62.138), *ш<sup>б</sup>держитца* (В-К III 58.53), *ш<sup>б</sup>мыслить* (В-К II 96.391), *ш<sup>б</sup>строжи<sup>н</sup>ца* (В-К I 31.16), *ш<sup>б</sup>яви-ца* (В-К II 9.225), *ш<sup>б</sup>ди* (В-К II 62.434), *ш<sup>б</sup>водя<sup>н</sup>* (В-К II 45.3206), *ш<sup>б</sup>дача* (В-К III 8.162), *ш<sup>р</sup>ядили* (В-К I 4.5), *ш<sup>х</sup>хали* (В-К I 31.6).  
Наибольшая частотность употребления буквы *ш* в префиксе <от-> по сравнению с другими приставками, очевидно, связана с тем, что эта буква входит в состав распространенного сокращения *ш*. О предпочтительности варианта *о* по сравнению с *ш* в приставках <об-> и <от-> свидетельствует целенаправленность исправлений черновых *ш* на *о* в беловых текстах: *ш<sup>б</sup>висла* (В-К III 49.288) > *о<sup>б</sup>висла* (В-К III 49.288); *ш<sup>б</sup>ле<sup>х</sup>чили* (В-К II 4.24) > *о<sup>б</sup>ле<sup>х</sup>чили* (В-К II 7.27); *ш<sup>б</sup>строжи<sup>н</sup>ся* (В-К I 15.66) > *обострожили<sup>с</sup>* (В-К I 30.7); *ш<sup>б</sup>ея* (В-К II 13.127) > *об<sup>б</sup>ея* (В-К II 46.252); *ш<sup>б</sup>били* (В-К II 13.65) > *о<sup>т</sup>били* (В-К II 6.68), *ш<sup>б</sup>били* (В-К I 15.63) > *о<sup>т</sup>би<sup>н</sup>* (В-К I 30.03), *ш<sup>м</sup>ве<sup>л</sup>* (В-К II 16.17) > *о<sup>м</sup>ве<sup>л</sup>* (В-К II 9.16), *ш<sup>м</sup>ставаю<sup>н</sup>* (В-К III 13.490) > *о<sup>м</sup>ставаю<sup>н</sup>* (В-К III 36.523). Случаи обратной замены единичны: *о<sup>б</sup>явилися* (В-К II 4.31) > *ш<sup>б</sup>явилися* (В-К II 7.37); *о<sup>б</sup>яви<sup>н</sup>ца* (В-К II 9.231, 236) > *ш<sup>б</sup>яви<sup>н</sup>ца* (В-К II 23.185, 190), *о<sup>т</sup>шибну<sup>н</sup>* (В-К II 9.232) > *ш<sup>т</sup>шибну<sup>н</sup>* (В-К II 23.186), и дважды написание *ш* переносится в беловой вариант без изменения: *ш<sup>б</sup>я-ви<sup>н</sup>ца* (В-К II 16.13, 9.11); *ш<sup>б</sup>являю* (В-К II 9.231, 23.185). Не более употребителен дублет *ш* в составе префикса <о->: *ш<sup>б</sup>ерегае<sup>н</sup>* (В-К I 43.13), *ш<sup>ж</sup>ида<sup>н</sup>* (В-К III 9.30), *ш<sup>к</sup>аса<sup>н</sup>* (В-К II 24.110), *ш<sup>н</sup>писа<sup>н</sup>* (В-К III 18.41), *ш<sup>с</sup>адил<sup>ь</sup>* (В-К I 1.116), *ш<sup>с</sup>вободи<sup>н</sup>* (В-К I 38.2),

*ш<sup>ч</sup>исти<sup>н</sup>* (В-К I 51.257), *ш<sup>ч</sup>исти* (В-К IV 51.257). О предпочтительности варианта *о*- свидетельствуют также данные сравнения черновых и беловых текстов вестей-курантов, где последовательно проводится замена *ш*- на *о*-: *ш<sup>ж</sup>идаю<sup>н</sup>* (В-К II 12.8) > *о<sup>ж</sup>идает* (В-К II 5.108), *ш<sup>б</sup>е<sup>с</sup>силе<sup>н</sup>* (В-К III 13.352) > *о<sup>б</sup>е<sup>с</sup>силели* (В-К III 53.391), *ш<sup>б</sup>иты* (В-К I 15.92) > *о<sup>б</sup>иты* (В-К I 30.44), *ш<sup>ч</sup>исти<sup>н</sup>* (В-К II 18.77) > *о<sup>ч</sup>исти<sup>н</sup>* (В-К II 12.129). Следует отметить некоторую лексическую закрепленность варианта *ш*-, который при безусловном преобладании *о*- вместе с тем достаточно часто употребляется в отдельных лексемах: *ш<sup>к</sup>роме*, *ш<sup>в</sup>ерегае<sup>т</sup>*, *ш<sup>к</sup>аса<sup>т</sup>*, *ш<sup>с</sup>тави<sup>т</sup>*, *ш<sup>ч</sup>исти<sup>т</sup>*, *ш<sup>с</sup>адили* и однокоренных [Каверина, 2004: 19–20].

В печатном Уложении 1649 г. буква *ш* встречается значительно чаще, чем в современных ему скорописных памятниках, хотя и несколько реже, чем *о*. Сходны со скорописью позиции, характерные для *ш*: в предлоге и приставке «от» – *ш*, в предложениях-приставках «о» и «об», а не в начале слова – в некоторых падежных окончаниях. Кроме того, в Уложении употребляется *ш* – исключительно в начале слова и для обозначения предлога «о» [Черных, 1953: 148–150]. В скорописи данная буква не используется. Не упоминается буква *ш* и в грамматике Лаврентия Зизания 1596 г., где *о* названо в перечне «кратких», а *ш* – «долгих» гласных. В правиле употребления *о* и *ш* указано, что с помощью этих букв различаются грамматические формы, а также *ш* предлагается писать в «предлогах *ш* и *ш*... также *ш<sup>в</sup>ра<sup>3</sup>*» [Грамматики..., 2000: 7, 35, 105]. Несколько больше сведений об употреблении «*о* и *ш* в начале предложения» содержится в грамматическом сочинении М. Смотрицкого: через *ш* пишутся «предлоги» *ш*, *ш<sup>в</sup>ь* и *ш*, «яко *ш<sup>д</sup>ваю*, *ш<sup>б</sup>лечаю*, *ш<sup>х</sup>ожю* и проч.», тогда как образования с *со*, *во*, *вос*, *до*, *по*, *под*, *про*, *проти-во* «*о* соблюдают: *яко сотворю*, *ковед<sup>ш</sup>*, *донес<sup>ш</sup>*, *понес<sup>ш</sup>*, *по<sup>ш</sup>емлю*» [Грамматики..., 2000: 144]. Эти рекомендации сохраняются и в московском переиздании грамматики 1648 г. [Грамматика славянская, 1648: 52, 56об]. Сравнение рекомендаций древнейших грамматик с закономерностями употребления букв *о* и *ш* в печатном Уложении 1649 г. и современных ему скорописных текстах показывает определенное их сходство, особенно в интересующих нас позициях – в приставках. Однако появление дублета *ш* в скорописи, в отличие от печатного текста Уложения и рекомендаций грамматик, «связано скорее не с морфологической прикрепленностью, а с выделением начала-конца слова, что в сплошь написанном скорописном тексте было крайне важно» [Тарабасова, 1982: 192].

Начертания *ш* и *ш* не входят в новую гражданскую азбуку после реформы 1710 г. Однако в практике письма данные варианты продолжают употребляться и после официального их упразднения. Так, в «Ведомостях» вплоть до 1710 г. наблюдается закономерность

употребления *ш*, представляющая собой компромисс между рекомендациями грамматики Смотрицкого и узальной нормой скорописи XVII в.: *ш* пишется в падежных окончаниях разных частей речи, а также в предлогах и приставках <от->, <об->, <о->: *ѡвезень*, *ѡб'явилися*, *ѡсмотрѣть* и др. С введением «гражданицы» данные начертания в «Ведомостях» перестают употребляться, однако еще несколько десятилетий сохраняются в рукописных памятниках. До 1733 г. употребляет *ш* В.К. Тредиаковский [Курчева, 1941: 126]. В московской деловой письменности XVIII в. *ш* и *ѡ* встречаются не в каждом тексте, однако, могут быть отмечены даже в рукописях конца XVIII столетия, обычно в предлогах и приставках: *ѡпускъ*, *ѡрадовали*, *ѡда'жите* и т.п. [ПМДП].

**4. Употребление букв *оу*, *у* и *Ѹ*.** Употребление вариантов *оу* – *у* – *Ѹ* в древнейших рукописях подчиняется «практическому» правилу: «широкая» буква *оу* является предпочтительной, в то время как «узкая» *у* может заменять ее в конце строки, очевидно, с целью экономии места. К XIV в., однако, формируется иная норма написания указанных дублетов: *оу* пишется в начале слов и после гласных, тогда как *у* (*Ѹ*) – после согласных, следовательно, в составе префикса <у> предпочтительна *оу* [Осипов, 1979б: 201]. Подобное соотношение складывается и в новгородских берестяных грамотах: если в XI–XII вв. во всех позициях преобладает *оу*, то в XIII–XIV вв. данное написание остается предпочтительным лишь в начале слов и после гласных, в остальных же позициях пишется *у* (*Ѹ*) [Зализняк, 1995: 26].

Начиная с XVI в. «начерк *Ѹ* употребляется даже чаще, чем *у*» [Щепкин, 1967: 138]. Так, И.С. Филиппова отмечает в ряде московских грамот XVI в. «лишь *Ѹ*, буквы *у* нет» [Филиппова, 1982: 261]. Оба написания по происхождению являются «вариантами буквы *оу*» [Бахтурина, 1963: 57], которая в XVI в. исчезает из скорописных памятников [Щепкин, 1967: 138; Беляев, 1911: 27]. Например, в рукописи XVI в. «Назиратель» *оу* не встречается [Филиппова, 1982: 261]. В деловых текстах XVII в. «писец допускал применение обеих букв *Ѹ* и *у* в одном и том же слове: *слѸху*, *ту'скомѸ*; одно и то же слово мог писать как с *Ѹ*, так и с *у*: *ѸѸ'то* – *Ѹу'то*, *тѸ'скому* – *ту'ские*... При преимущественном употреблении... *Ѹ* каких-либо правил в использовании букв *Ѹ* и *у* наблюдать не приходится» [Тарабасова, 1982: 193]. Выводы о непоследовательности употребления *Ѹ* и *у* делает А.П. Словягин на материале лечебников второй половины XVII в. [Словягин, 1971: 50]. Однако нами установлены некоторые закономерности в употреблении дублетных букв *Ѹ* и *у* в текстах вестей-курантов первой половины XVII в. Так, для обозначения приставки <у> *Ѹ* используется примерно в 10 раз чаще, чем *у*: *Ѹбили* (В-К IV 32.452), *Ѹдался* (В-К II 53.351), *Ѹкрепля'ца* (В-К I

26.7), *ѸѸха'м* (В-К IV П2.484), *ѸстѸпила* (В-К II 4.610), *Ѹкреплены* (В-К III 39.460), *Ѹча'н* (В-К III П15.335) и т.д. Однако встречается и написание *у*: *убили* (В-К II 12.149), *уѸхатъ* (В-К IV 36.453), *уговорѸ* (В-К II 53.365), *умышление* (В-К I 5.35), *учинити* (В-К III 37.535), *уста'ливае'м* (В-К I П4.44), *ушло* (В-К III 38.544) и т.д. Во многих текстах вообще не отмечено ни одного случая употребления *у* в позиции префикса – пишется только *Ѹ* (например, это тексты (В-К I 19, 26, 30); (В-К II 4, 23, П1, П8); (В-К III 19, 35, П1, П2); (В-К IV 32, 59, П1, П4) и др., среди которых представлены также черновые и беловые варианты). Сравнительный анализ употребления дублетов *Ѹ* и *у* в префиксе <у> в черновых и беловых текстах, датированных началом, серединой и концом первой половины XVII в., подтверждает сделанные выводы, однако с некоторыми оговорками. Так, в сборнике (В-К I), содержащем более ранние тексты, не отмечено ни одного исправления *Ѹ* на *у*, вместе с тем в 18 случаях происходят обратные замены: *угово'рново* (П5.68) > *Ѹгово'рново* (30.9), *умысли'н* (П3.29) > *Ѹмысли'н* (26.2), *уговоренося* (П5.68) > *Ѹговоренося* (30.9), *у'де'м* (П3.36) > *Ѹ'де'м* (26.12) и т.д. Во всех остальных случаях черновое *Ѹ*- переписывают набело без изменений: *Ѹвидели* (П5.71, 87) > *Ѹвиде'м* (30.12, 34), *Ѹдари'ся* (П4.44, 27.22), *Ѹстоя'м* (П2.57) > *Ѹстоя'м* (19.13), *Ѹчине'н* (П3.36, 26.12) и др. (всего 82 пары). В сборниках (В-К II), (В-К III) и (В-К IV) также преобладает написание *Ѹ*, которое без исправлений переносится из черновика в беловик: *Ѹговариваю'ца* (В-К II П1.55, 4.608), *Ѹтиши'м* (В-К II П2.6, 5.106), *Ѹстонови'н* (В-К II П8.85) > *Ѹстанови'н* (В-К II 12.138), *ѸговорѸ* (В-К III П1.303, 19.320); *Ѹбавили* (В-К III П2.479, 35.513), *Ѹбили* (В-К IV П1.487, 32.452), *Ѹдаря'м* (В-К IV П1.486, 32.451), *ѸдѸлѸ* (В-К IV П4.380, 59.394) и др. (всего 195 пар в (В-К II) и 166 – в (В-К III), 23 – в (В-К IV)). Однако если мена *Ѹ* – *у* все же происходит, то вопреки ожиданиям предпочтение отдается варианту *у*. Отмечено 14 таких исправлений в (В-К II): *Ѹчи'нило'с* (П4.22) > *учи'нило'с* (7.22), *Ѹкре'ля'ца* (П8.77) > *укреп'ля'ца* (12.130), *Ѹтаи'м* (П13.127) > *утаи'ти* (46.252), *Ѹмо'книѸ* (П14.132) > *умо'кну* (48.257) и др., 21 – в (В-К III): *Ѹшло* (П5.126) > *ушло* (38.544), *Ѹбили* (П3.488) > *убили* (36.526), *Ѹчини'ца* (П7.577) > *учини'ца* (45.72), *Ѹме'р* (П15.334) > *умерѸ* (56.368), *Ѹкре'ляю'м* (П13.350) > *укреп'ляютъ* (53.386) и т.д., одна – в (В-К IV): *ѸѸха'м* (П2.484) > *уѸхатъ* (36.453). Обратных замен лишь две: *учи'нило'с* (В-К II П4.22) > *Ѹчи'нило'с* (В-К II 7.22) и *укре'лены* (В-К III П6.443) > *Ѹкреплены* (В-К III 39.460). В (В-К IV) подобных исправлений не отмечено. Таким образом, несмотря на очевидное преобладание в составе префикса <у> варианта *Ѹ*, что подтверждается большим числом примеров, когда данная буква переносится в беловик без изменений, в случае, если исправление происходит, едва ли не предпочтительным оказывается *у*.

Таким образом, в текстах вестей-курантов Ѹ последовательно употребляется для обозначения предлога и префикса <у>, хотя написание у здесь также встречается. Напротив, в выносном положении пишется только <sup>11</sup> Интересно, что в московских скорописных грамотах начала XVI в., напротив, «тяготение к началу слова обнаруживает буква у» [Васеко, 1973а: 38]. По свидетельству Н.И. Тарабасовой, в вестях-курантах употребление Ѹ в качестве предлога более последовательное, чем в других текстах делового содержания, например в челобитных и письмах [МДБП]. Такое различие может объясняться тем, что челобитные «могли быть написаны площадными подьячими», письмо которых отличалось от письма «служителей Посольского приказа, где составлялись куранты» [Тарабасова, 1982: 194].

Употребление исследуемых дублетов в печатном Уложении 1649 г. отличается от закономерностей, характеризующих деловые скорописные памятники. Во-первых, в Уложении пишется оу и Ѹ, а у не встречается. П.Я. Черных пишет, что употребление букв оу и Ѹ «характеризуется определенной закономерностью, напоминающей закономерность в употреблении буквы ђ и буквы є вместо ђ и находится в явной зависимости, во-первых, от ударения, а во-вторых, от положения – в начале или не в начале слова», причем «в начале слова и в предлоге употребляется главным образом оу». Данная особенность отличала как светские, так и церковные книги конца XVI – начала XVII в., а изменения в орфографии, происшедшие во второй четверти XVII в., касались употребления оу и Ѹ не в начале слова [Черных, 1953: 152, 159]. Данные П.Я. Черных подтверждаются нашими наблюдениями над орфографией Азбуки И. Федорова 1574 г., где очень последовательно соблюдается правило: оу в начале слова, Ѹ – в остальных позициях, например: оумѣдряя, оумертви, разѸма. Такая же закономерность представлена в грамматике Л. Зизания 1596 г., хотя правило написания этих дублетов здесь не дается [Граматики..., 2000: 8–9].

В древнейших грамматических сочинениях правило, регламентирующее употребление букв оу, Ѹ и у, впервые сформулировано М. Смотрицким в грамматике 1619 г.: оу полагается писать «в началѣ реченіи», тогда как Ѹ и у – «средѣ и вконци» [Мелетій Смотрицкий, 1979: 1.70б]. Данное правило, хоть и в несколько упрощенном виде, сохраняется до начала XVIII в. Так, в «Букваре славяногреко-латинском» Ф. Поликарпова читаем: «у – в начале речи, а Ѹ в середине и на конце полагается, яко уставъ, а не Ѹставъ». Петровская реформа не затронула вариантов оу – у – Ѹ, однако, в скорописи, на основе которой строилась гражданская азбука, начертание оу не употреблялось уже с XVI в. Вариант Ѹ, первоначально исключенный Петром I из «гражданицы», в окончательном варианте алфавита 1710 г. был восстановлен вместе с некоторыми другими

дублетами и функционировал наряду с начертанием у. Интересный материал, иллюстрирующий распределение данных дублетов в переходный от церковного к гражданскому письму период, представляют петровские «Ведомости», отдельные номера которых печатались попеременно то церковным, то гражданским шрифтом после реформы 1708–1710 гг. В первые годы издания «Ведомостей» буква оу употребляется в начале слов, Ѹ – в остальных случаях, т.е. префикс <у> в начале слова регулярно передается через оу в текстах, набранных церковным шрифтом: оубитѣ, оубѣхалѣ, оучинилѣ, оумыслилѣ, как и во всех печатных церковных и светских памятниках XVI–XVII вв., в соответствии с правилом, сформулированным М. Смотрицким [Черных, 1953: 159]. В ненадлежащей позиции <у> обозначается через Ѹ: неѸдоволиковѣ, набѸдачѣ, неѸстояли и др. Встречаются отдельные словоупотребления с Ѹ в начале слова: Ѹчинить, Ѹправленіемѣ. Трудно согласиться с В.П. Горлановой в том, что «с 1710 г. оу перестает употребляться» [Горланова, 1952: 35]. Это верно только для текстов, набранных «гражданицей», а в тех номерах газеты, которые напечатаны церковными буквами, и после 1710 г. сохраняется прежняя норма употребления оу и Ѹ: оубили – неѸдовольнымѣ. В первых номерах «Ведомостей», где использовался гражданский шрифт, Ѹ перемежается с у, но уже с марта 1710 г. утверждается окончательно последняя форма буквы, как более соответствующая общему стилю гражданской азбуки, т.е. пишется только у. Такое написание и закрепляется в печатных текстах, однако в рукописных памятниках XVIII в. дублетность Ѹ – у сохраняется намного дольше. Даже такие противники употребления дублетных букв, как В.Е. Адодуров и В.К. Тредиаковский, в своих рукописях употребляли вариант Ѹ вплоть до середины XVIII в. [Успенский, 1975: 92; Курчева, 1941: 126]. А в некоторых текстах московской деловой письменности, датируемых концом XVIII в., начертание Ѹ является даже предпочтительным и пишется по всех позициях, в том числе и при обозначении приставок, как и в скорописи XVII в.: Ѹчинить, Ѹмершаго, Ѹеха<sup>12</sup> и т.д. [ПМДП].

В грамматических сочинениях первой половины XVIII в. – переиздании грамматики М. Смотрицкого, осуществленном Ф. Поликарповым в 1721 г., и «Грамматике словенской...» Ф. Максимова 1723 г., описывающих церковнославянскую норму, сохраняется традиционное правило дифференциации оу и Ѹ: оу пишется в начале слова, а Ѹ – в остальных случаях. Сторонники фонетического письма В.Е. Адодуров, В.Н. Татищев, В.К. Тредиаковский в 30–40-е гг. XVIII в. в своих грамматических сочинениях пишут о «ненужности» буквы Ѹ наряду с другими дублетными буквами [Успенский, 1975: 86]. В «Российской грамматике» М.В. Ломоносова 1755 г. и более поздних работах, посвященных графике и орфографии русского языка, начертание Ѹ уже не упоминается.

Итак, в ранних памятниках употребление дублетов *з – ѕ, и – ї, о – Ѡ – ѡ, ѡ҃ – ѣ – ѥ* не определялось какой-либо орфографической нормой, так как их противопоставление было основано на признаке «широкая графема – узкая графема», при этом выбор варианта диктовался обычно позицией конца или середины строки, т.е. имел практическое значение. Помимо этого отмечается также «декоративное» употребление *ѡ*. Однако уже в XII в. было положено начало орфографической нормализации употребления дублетных букв, которая получила наиболее полное выражение в последующий период развития русского языка, под так называемым «вторым южнославянским влиянием».

В скорописи распределение дублетных букв отличается определенными особенностями, связанными со спецификой не предполагавшего деления на слова скорописного текста, орфография которого имела принципиально вариативный характер. При этом использование вариантов графем для разграничения единиц текста позволяет сделать вывод о выработке орфографической нормы из графических особенностей скорописи. В частности, именно этими особенностями определялось систематическое употребление букв *ѕ, ѡ* и *ѥ* в составе префиксов <за->, <о->, <об->, <от->, <у->, где дублетные буквы выполняли функцию выделения начала слова в сплошном скорописном тексте. В течение XVII в. в скорописи действует тенденция к избавлению от дублетных букв, начиная с *ѕ* и *ѡ*, последняя из которых никогда не преобладала над вариантом *о*, даже в начале слова, кроме, пожалуй, предлога и приставки <от->. Следует отметить, что закономерности употребления дублетов в скорописи не всегда совпадают с рекомендациями грамматик и нормой, обнаруживаемой в печатных текстах. Самым ярким примером такого расхождения является распределение дублетов *ѡ҃ – ѣ – ѥ*. Действительно, в скорописи предпочтительным для позиции начала слова оказывается написание *ѥ*, которое в грамматиках и печатных текстах допускается только в середине и конце слова.

Весь XVIII в. проходит под знаком освобождения русской графики от дублетных букв. Причем если в печатных текстах гражданского письма дублетные написания исчезают сразу же после соответствующего указа, то в рукописной орфографии некоторые из них сохраняются и до конца столетия (например, *ѥ, ѡ* и *Ѣ* в памятниках деловой письменности конца XVIII в.). В XIX в. из интересующих нас дублетов остается лишь *ї*, правило употребления которой перед гласными, регламентированное всеми грамматиками, предполагает написание этой буквы в префиксе <при->, что, однако, не было общепринятым. Интересно, что неоднократные попытки закрепить в русском письме близкие к латинским начертания *ѕ* и *ї* вместо более употребительных *з* и *и* все-таки не увенчались успехом.

## Литература

- Барсов А.А. Российская грамматика. М., 1981.
- Бахтурина Р.В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов // Лингв. источниковедение. М., 1963.
- Беляев И.С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. М., 1911.
- Бычков А.Ф. Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855.
- Васеко Е.Ф. Приемы описания графики древнерусских памятников письменности в лингвистических исследованиях // Славянская филология: Вып. 9. М., 1973.
- Васеко Е.Ф. Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1972.
- Вести-Куранты. 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1976.
- Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов; под ред. С.И. Коткова. М., 1980.
- Вести-Куранты. 1648–1650 гг. / Изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина; под ред. С.И. Коткова. М., 1983.
- Винокур Г.О. История русского литературного языка // Винокур Г.О. Избр. работы по русскому языку. М., 1959.
- Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб., 1835.
- Гальченко М.Г. К истории письменности и языка Юго-Западной Руси XII–XIV вв.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Гальченко М.Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избр. работы. М., 2001.
- Горланова В.П. К вопросу орфографической нормализации в начале XVIII столетия в свете трудов И.В. Сталина. Орфография «Ведомостей» эпохи Петра I: Дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1952.
- Горланова В.П. Орфография «Ведомостей» эпохи Петра I: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1954.
- Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подгот. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминой. М., 2007.
- Грамматика славянская. М., 1648.
- Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подгот. текста, науч. коммент. и указатели Е.А. Кузьминой; предисл. Е.А. Кузьминой, М.Л. Ремнёвой. М., 2000.
- Греч Н.И. Практическая русская грамматика. 1834.
- Грот Я.К. Русское правописание. СПб., 1885.
- Давыдов И. Грамматика русского языка. СПб., 1849.
- Дурново Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославянский филолог. IV. 1924.
- Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
- Живов В.М. Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI–XIII веков // Восточнославянское правописание XI–XIII веков. М., 2006.
- Живов В.М. Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе // Вопросы языкознания. 1987. № 1.
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк А.А. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем «типа о» // Советское славяноведение. 1978. № 3.
- Зализняк А.А. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999.

Зализняк А.А. Противопоставление букв *о* и *ѡ* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило праведное» // Советское славяноведение. 1978. № 5.

Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1988.

Иценко Д.С. Древнерусская рукопись XII в. «Устав студийский»: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1968.

Каверина В.В. Узкая норма деловой письменности XVII века: орфография префиксов. М., 2004.

Карягина Л.Н. Редуцированные гласные в языке Юльской служебной минеи конца XI – начала XII в. // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960.

Кедайте Е.И. История русского литературного языка. М., 1994.

Княжев В.С. Российская грамматика, изданная В.К. М., 1834.

Князевская О.А. Буква *ѡ* в рукописи Быбельского Апостола // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996.

Князевская О.А. Орфография и отражение в письме явлений языка // Источниковедение и история русского языка. М., 1964.

Козловский М. О языке Остромирова Евангелия // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1895.

Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.

Кошанский Н.Ф. Начальные правила русской грамматики. М., 1809.

Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769.

Курчева Ю.В. Основные вопросы русского правописания с XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1941.

Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952.

Львов А.С. Об *ѡ* и *ѡ* и глаголической букве «от» // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.

Максимов Ф. Грамматика словенская в кратце собранная. 1723.

Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова; под ред. С.И. Коткова. М., 1968.

Мелетий Смотрицкий. Грамматика. Подготовка факсимильного издания В.В. Нимчука. Київ, 1979.

Обнорский С.П. Исследование о языке минеи за ноябрь 1097 года // Изв. Отделения русского языка и словесности. Т. XXIX. 1924.

Обнорский С.П. О языке Ефремовской кормчей // Исследования по русскому языку. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1912.

Орнатовский И. Новейшие начертания правил российской грамматики. Харьков, 1810 г. // Texts and studies on Russian universal grammar 1806–1812. Vol. 1. München, 1984.

Осипов Б.И. История русского письма: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1979а.

Осипов Б.И. История русского письма: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1979б.

Панов М.В. Принципы русской графики и орфографии // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965.

ПМДП – Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1981.

Поликарпов Ф. Грамматика. М., 1721.

Ремнёва М. Л. История русского литературного языка. М., 1995.

Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.

Российское правописание с примечаниями из лучших сочинений. М., 1815.

Русский первопечатник. «Азбука» Ивана Федорова 1578 г. М., 2000.

Светов В. Опыт нового русского правописания. СПб., 1773.

Словягин А.П. Нормализация народно-литературного типа русского языка второй пол. XVII в. в области фонетической системы (на материале лечебников): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980.

Срезневский И.И. О русском правописании // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 134. СПб., 1867.

Тарабасова Н.И. Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.

Тарабасова Н.И. Явления вариативности в языке деловой письменности. М., 1986.

Успенский Б.А. Доломоновский период отечественной русистики // Успенский Б.А. Избр. труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.

Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975.

Ушаков Д.Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношение его к языку и вопрос о его реформе. М., 1917.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.

Филиппова И.С. Идентификация писцов на основании анализа письма скорописных рукописей // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974.

Филиппова И.С. Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.

Хабургаев Г.А. Старославянский – церковнославянский – русский литературный // История русского языка в древнейший период. М., 1984.

Черепанов М.С. Возникновение периодической печати в России. М., 1955.

Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953.

Шахматов А.А. О языке новгородских грамот XIII–XIV вв. // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1895.

Шуцгал А.Г. Русский гражданский шрифт: 1708–1958. М., 1959.

Шовгенова Л.М. Отражение фонетической основы русского языка XVII в. в записях иностранных азбучников того времени: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.

Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967.

Якубинский Л.П. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV–XVII века) // Якубинский Л.П. Избр. работы. Язык и его функционирование. М., 1986.

Unbegaun B.O. Selected papers on Russian and Slavonic philology. Oxford, 1969.

Worth D.S. Omega, especially in Novgorod // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996.

## Примечание

<sup>1</sup> Н.И. Тарабасова замечает, что «вообще выносные дублетные буквы чрезвычайно редки» [Тарабасова, 1982: 196].